

Ольга Татаринова

СИНИЦА В НЕБЕ

книга стихов 1972-73 года

Москва
Издательство «БПП»
2009

Стихотворения
представлены
в авторской редакции,
орфографии и пунктуации

***

Растительности нет. Зима на цинке кровель.
Дрожащий полусвет отбрасывает тень
от маленьких предметов, и неровен
час дня и вечера. Скоропостижен день.

Сера земля и серы тротуары.
Сух воздух, голос по странице сух.
Снег не растет. Все замерло, застряло,
и выжидателен тишайший дух.

Дыханье еле-еле, глаз притушен,
и буднично заколота коса.
Я подметаю пол, раскладываю груши
по подоконнику, и нежная краса

зеленоватой шкурки чуть румяна,
чуть холодит ладонь массивный плод.
Слегка знобит, чуть запотело в рамах
оконное стекло, а снег нейдет.

***

Он — вундеркинд, веселый Моцарт,
он тоже к кошке норовит
бежать, рояля крышкой хлопнув, —
и шерстка музыкой искрит!
Искрится день, искрится вечер,
в осколках неба — чистый звук
листвы, звенящей, как бубенчик,
кристальной светотенью фуг.
Игра с утра на клавесине,
игра узора хлебных глаз,
и мечется по крыше ливень
игрой, пассажем притворясь.

Пока на тридцать пять симфоний
хватает детства и проказ,
ты — вундеркинд, веселый Моцарт,
и развозимый напоказ.

Когда ж почувствуешь однажды
боль от холодной простыни,
и звуки пьешь без всякой жажды,
и трешь усталые виски,
и знаешь, что играть за деньги
тебе не нужно и нельзя,
ты — просто Моцарт, бедный гений.

Ты сам поэт, и сам судья.
И музыка теперь осталась
лишь одному тебе нужна,
и Бог к тебе уж не приставлен,
а только музыка одна.

***

У себя в деревне
в дождливую пургу
слышу треск деревьев,
ветра гул.

Дует ветер страшно,
сердце так стучит,
я больна, и чайник
на плите кипит.

Бьются комья снега
в мокрое стекло, —
никогда и не было
на земле тепло.

***

Откуда эта гирлянда роз
на моем промерзшем окне?
Ах, это Григ! Он ее пронес
под полою столетья ко мне.

Ни ветры, ни войны, ни бури эпох
ее умертвить не смогли.
Тиран, людоед, тюремщик — сдох,
а розы Грига опять расцвели.

Случайное дуновение вслух —
и дом мой нежен и чист.
О мой громоздкий, нешуточный дух —
тихонько дыши на лист!

21 дек. 72

***

Декабрь. За темнотой слежу
открытыми глазами.
Под фотоснимками лежу:
под образами.

Опять ни зги в моей судьбе,
и не с руки работа.
И некому внимать мольбе
о чуде поворота.

Опять не верю ни во что —
ни в чудеса, ни в черта.
В который раз уже декабрь,
и все — такого сорта.

Натура зимняя в окне
подернута слезами.
Этюд напротив, на стене —
в оптимистичной гамме.

***

Я перед кем-то провинилась —
такие минуты не могут быть зря.
Дом за туманом,
лес за туманом,
падают капли на воробья.
Снег, испаряясь, сер и мутен.
Капля прозрачна, холодна.
Откуда берутся такие минуты?
И перед кем, какая вина?

***

Я пишу стихотворенье,
где-то ты твердишь этюд.
У меня в окне снежинки,
и они поют.

В белых фартуках воскресных,
банты белые в косах.
Изумительна небесность
в детских голосах.

Легок час освобожденья
от урока дня,
звука нервное томленье,
пока нет еще движенья
и молчит струна.

МУЗЫКА

Александру Слободянику

Когда звучит и кажется понятной,
Душа, как иву — пруд, ее вбирает,
а звуки зал тихонько отворяют
и улетают вечностью крылатой.
И, привставая с кресла, не пытайся
связать о ней двух слов, как ни наполнен:
посмешищем у музыки ты станешь —
она к себе не подпускает слов.
Но почему ж, когда, забравшись в кресло
из улицы, вдруг прикоснусь к бумаге,
из-под пера бежит стихотворенье
о музыке, и по перу стекают
немые звуки, к музыке стремясь?
Слова стремятся к музыке, смеясь
и плача над своим несовершенством —
и совершенства требуют от нас.

***

Под люминесцентной аркой
мокро и тепло.
Пахнет апельсиновой коркой
выход из метро.

Две размытые снежинки
в воздухе стоят,
две нависли над карнизом,
пять — летят.

Весело идти с работы,
расстегнув пальто.
Шарф расслабленно намотан,
легки ноги в низких ботах,
хочется в кино.

Хочется сто книжных лавок
резво обежать,
встретить Анну, Петю, Славку
и рассказать,

как под люминесцентной аркой
мокро и тепло,
пахнет апельсиновой коркой...
спать пора давно.

***

Убегает, убегает электричка —
двадцать пять фонариков в пространстве,
наискось по небу мчится поезд
в сторону твою, в страну, где ты живешь.

Ты живешь —

веселое пространство,
гулкое сугробов дребезжанье,
промельк света после поворота, —
и не видно стороны, где ты живешь.

Только небо, плоско-восковое,
поле снежное — ночное вероломство,
на пустой платформе промерзание.

Ты живешь —

летят во все просторы
прямо по небу

привязанности сердца,
поздравлений, смеха и участия —
двадцать пять на двадцать пять в вагоне.
Все встречаются в стране,

где ты живешь.

Почему же ты меня не знаешь,
не встречаешь нашу электричку,
фонари в вагоне не считаешь,
пальцем не сотрешь пылинки неба
той страны,

где я стою и плачу.

***

Ах, как хочется быть красивой:
в огороде ворон пугать,
и в горячем свете «юпитера»
девочек подавлять.

Ах, как хочется быть любимой:
каблучком на все топотать,
проверять, не угасла ль под свитером
его раны больной благодать.

Ах, как хочется быть счастливой:
ничего не ведать, не знать,
мять холодной рукой апельсины,
в соболиной мантилье спать.

***

Откуда мне знать,
что видят сады,
когда они ночью спят?
Откуда мне знать,
что думаешь ты,
молчишь когда годы подряд?

Я встану однажды,
наш дом приберу,
протру лобовое стекло,
твой снимок
и сетку-авоську возьму —
пусть будет на сердце светло!

И все покидая,
помедлю чуть-чуть,
еще и еще повторив
последнего мая
последнюю грусть
и как ты умен и красив.

***

- Отчего ты, милая, плачешь?
- Я увидела нашу любовь.
Она плывет в лодке
с белым веслом в руках,
такая красивая....

***

Вот и прошла
еще одна зима,
я кое-как
ее перенесла —
переросла:
размечено по числам
приобретение душевного добра
при свете загородном пасмурного дня.

И снова
синим небом и синицей,
кормящейся из моего окна,
я календарно переведена
на рельсы дум
о лете и об Истре,
купающей меня
и моего крылатого коня
в своей холодной вековой водице.

Так что еще?
Чего еще просить
у облака? О чем
бы мне грустить —
раз все опять осталось у меня,
чем щедро угодила мне земля,
придумав летом — с солнышком водиться.

САДОВНИК (Сиднея Кейса)

Приди сюда однажды, в светлый день,
В такой, как этот. Появись в тюльпанах,
На ярких розовых и желтых грядках.
Я твой. Я так спешу, что глупый гравий
Искрится у меня под башмаками.
О приходи! Такой сегодня день!

И пусть твоя рука — упавший лист
В прожилках тонких, сорванный невольно,
Мне на ладонь опустится легко.
И ласки очертаний мне довольно.
Кружится шмель над розовым кустом,
И время спит в моей руке, как лист.

Скажи мне, ты такой же тихий ангел,
Что в детях поселяются? И ты —
Цветок, такой, как эти? О скажи...
Влюбленные и нищие уходят.
Ты не пришла, и кончена игра.
Нелепо ждать, чтобы явился ангел!

ДИВАН НА УЛИЦУ
(выселяют)

Сижу, скрестивши ноги, на диване,
слова роняю в вечность, добиваюсь
чего-то высшего, прислушиваюсь к тайне
на стыке звуков — чтобы рука-в-руку.
Чтоб дружно, без лукавства и кривляний
сживались на бумаге поселяне
и вдохновенно чтоб трудились в клане.
И — хоть диван на улицу, хоть в прах.
Но только грусть какая-то в словах...

***

День, как только что снесенное яйцо,
в оболочке розовой хмари
дышит мне в дождливое лицо
запахом садовой гари.

Попрошу рассады у соседа,
высажу-ка астры на балкон.
И неважно — если я уеду,
а потом распустится бутон.

***

Андрею Тарковскому

Никому ничего не даровано,
кроме жимолости на кусте,
кроме солнца на цинке кровельном,
кроме солнц на большой высоте.
Мы сами выводим заглавия
наших лет, и добыча легка:
сок плодов — целомудрие гравия,
скромность вереска, боль ивняка.
Все, что вывели, все, что вынесли,
светлым голосом отольем,
не мольбой чтоб дышало, а истиной
и опорой служило во всем,
что дописано нашей смекалкой,
нашим сердцем и нашим огнем
после крикнувших спозаранку,
что и виселица — божий дом.
Никому ничего не даровано,
и по-прежнему волен тот,
кто придумал послушным оловом
затыкать непослушный рот.
И не с первого взгляда зримы
по лицу улики примет:
но научимся видеть! Не зря мы
все рисуем, рисуем портрет —
Бога! Ищем в облике Бога
человека достойных черт.

***

Давай с тобой пойдём
по краю тротуара,
за липами, не в строчку с белым днём;
расскажешь мне о ней, присядем где попало;
за дымом сигарет
отпразднуем вдвоем
изгиб ее ресниц — печальный праздник,
запястья вялость, бешеный язык
поступков нелогичных и случайных,
как жало режущих, —
немыслимый двойник!
Я рада разделить с тобой печальный праздник:
мне кажется, я различаю в них
всю горечь губ,
отчаянность и слабость,
и сноску на мечту,
и сноску на усталость...
И то, что ничего в любимой ты не понял.
Давай с тобой за липами побродим!

«СТАРЫЙ ЗАМОК» (Мусоргского)

Александру Слободянику

Я не жила еще ни разу
С такой томительностью дней,
Чтобы почувствовать во фразе
Несбывшуюся жизнь — своей,
Я не ходила с длинным шлейфом
Среди красы молчащих роз,
Прислушиваясь к звукам флейты,
Скользящим с медленностью Леты,
Преодолев подъемный мост.
Но запах диких орхидей,
По-нашему — ночных фиалок,
Напомнил мне старинный замок,
Где столько бесконечных дней
Коснулось красоты моей.
И я так остро пожалела,
Что не смогла сообразить
Садовника порасспросить
О той дорожке за мостом,
Что тонко в зелени белела,
О флейте, что за валом пела,
О менестреле, может быть.
Ведь может быть и может статься,
Что он как раз и оказался б

Тем странно брезжащим лицом,
Что день и ночь вокруг блуждает
И часто посещает дом,
Когда так страшно и с огнем,
И мне доверие внушает.

КАРТИНКА С ВЫСТАВКИ

Так получилось, что это стихотворение прозвучало автору с пластинки, на которой Александр Слободяник играет Мусоргского

И правда, может,
Я больным-больна,
И до берёзки
Жить осуждена
С едва заметной
Сетью на лице
От прутьев на окне в моём дворце.

Мне ночью только
Можно выходить,
По улицам
Безлюдным побродить,
Кварталом милым,
Где скрипач живёт,
Но даже он ночами не поёт.

А говорить
Ни с кем я не должна,
Бокс не любя
И помня, что война
Кругом одна —
Спокойные бои:
Все вперемежку с пивом за своих.

И рот открыть —
Лишь лишний раз понять,
Что рта нельзя,
Не нужно открывать,
А только тихо,
Тихо день прожить,
Чтоб можно ночью было выходить,

При тусклом свете
Обойти квартал,
Где мой скрипач
Хотя бы раз бывал,
И постараться
Скрипом передать
Про домовых, и спать не помешать.

Про домовых,
Про гномиков ночных,
Про плотных кошек
С полотняных крыш,
Чтоб мог ты выбрать
В сказке наугад —
Вдруг гномик вправду,
Правду говорят,
Тебе покажется:
Хоть маленький и худ,
Про что-то нежное глаза его поют.

Хоть он не знает
Вправду ничего,
И ножка чуть
Хромает у него,
Тебе приснится он —
Таким чужим,
Неясным, тёмненьким, и, как и есть, хромым.

Беретик съехал
На ухо одно,
И чуть морщит
Чулочек у него,
Но что-то му-
зыкальное в глазу
При тусклом свете запрещённых лун.

И подожди
Так сразу отгонять,
Ведь кто-нибудь,
Но должен же понять,
Что кроме пива,
Бокса и войны
Есть сказки хроменькой серебряной луны.

1972

ПЕРЕД КАРТИНОЙ

Сколько в глазах
у нищих печали!
Где я их видела?
Откуда знаю?
Нищих на улицах не встречаю,
давно пропали,
а помню едва ли —
нет, одного...

О!

Вполне достаточно и одного.

***

Беленькие шорты...
Глаженная майка...
Корт над самым морем.
Господи, какая

Жизнь во мне носилась
Под цветочным паром,
Кедами пружиня
И светясь загаром.

Школьные каникулы...
Города и матчи...
Годы так и прыгают —
Мячик, мячик, мячик.

***

Брожу я по свету, ищу человека,
который меня приютил бы
с моими стихами,

с моими снопами серебряных веток
в нечайных прорехах достоинств,
и с облаками;

с облатками слёз на шершавой поверхности
бедности,
и со стихами;

призрел, приютил и пригрел
под тремя небесами:
над силой небесной, над слабостью —
и над стихами.

МИКЕЛЬАНДЖЕЛО АНТОНИОНИ

Снежинки черные поют
Над выходом из кинозала,
И фильм, который повидала,
Как сардонический прелюд
С того конца земного света,
Где мастер точный и скупой
Собрал горошин лёгких рой,
Надеждой скорбной их пометил
И запустил вокруг планеты
Своей тоскующей рукой.
Глухая дробь его раздумий,
Загвоздок огнестрельный ход
Меня стремительно берет
За жабры совести, и муки,
Столь безразличные для мумий,
Бьют головой о небосвод.
И понимаю час от часу,
Бродя под слюдяной резьбой,
Как бесконечна и прекрасна
Жизнь с этой битой головой.
Она особенно прекрасна
Тогда, когда я вдрызг несчастна,
Когда в смертельный непокой
Врезаются алмазы внятно, —
Любая строчка мне понятна
С такой безумной головой.

***

Я знаю деревья
и травы двух стран:
и южное небо, и северное.
Два неба, два солнца,
два утренних сна
о сердце чьем-то верном.
Во мраке окна
предрассветна тропа.
Я знаю, что скоро сойду с ума
от трав и деревьев,
от неба двух стран,
от счастья, от ветра, от этого сна.

ПРОГРЕСС-ЭЛЕГИЯ

Я пристрастилась здесь гулять
по воскресеньям. Пруд затерян
среди лабораторных дач
и ветряных приспособлений.
В нем раньше жил зеркальный карп
среди колебания растений,
и яблони над ним стоят,
в каре отбрасывая тени.
Пещерный глаз большой трубы
за ним присматривает вяло,
и ветер опытный летит
по яблоням, по одеялу
атласной ряски. Здесь халат
какой-то белый бегло брошен,
здесь лютиков бурьян не кошен
и урожай грибов не снят.
Похоже, что и ветер брошен —
ветряк разобран, не ухожен
лабораторный особняк.
Между стволами яблонь бродит,
как неприкаянный, сквозняк,
поет одну из тех мелодий,
что знал зеркальный молодняк.

***

До чего холодный ветер,
обостренье всей планете
он способен принести.
У меня ж неладно с горлом
и подернут черным флером
этот яркий день тоски.

Лихорадит и шаманит,
оболгал весь кругозор,
буквы и слова туманит,
все доверье к жизни ранит —
лихо ворвалось во двор.

Разбросало все тетрадки,
ветер их листает гадкий,
серебрится солнцепек.
Сладко вгрызлись две болинки
в онемевшие былинки
связок голоса и строк.

Я уже сама не знаю,
мыслю или засыпаю
брезжит ветром, солнцем, гарью
и такая нежность жжет
к каждой беззащитной твари,
что беззвучно погибает
среди красы земных щедрот.

1973

***

Малахитовый жук!
Малахитовый жук,
приведи ко мне милых
друзей и подруг,
приведи ко мне милого
с нежным лицом,
с нежным лицом
и в беде молодцом.
Но давно разбрелись
все подруги и я,
к своим новым подругам
привыкли друзья.
Что до милого...
Милого трогать нельзя!
Уходи себе, жук.
Уползай от меня.

***

Ветер за моей спиной листает мою книгу.
Ознакомившись с нею весьма подробно,
заложив травинками отдельные страницы,
кубарем скатился в осоку,
перепугал изумрудных лягушек,
вернулся
и принялся за меня, заставляя накинуть кофту.
Я тихонько прижалась к траве,
чтобы не раздражать его,
и доверилась солнцу,
которое сегодня так ярко,
что гуща куста — ослепительно черная.
Паук ползет по руке, но хотя бы сегодня
я не хочу никаких писем:
вот уже много лет, как все болеют,
разводятся,
недовольны работой,
или негде жить,
или тесно из-за детей.
А предложить
я могу только одно:
чтобы мы все поселились вместе,
в одном таком выбранном очень разумно месте,
и любили друг друга, не мешая работать.

Они пишут из разных концов,
что это невысказано и что я
была и осталась наивным идеалистом.
Ветер покатило куда-то мой карандаш,
и он у него так причудно играет — вот
почему такое стихотворение.

***

Покажи свои крылья, кузнечик!
Цвета какого они у тебя?
Можно заставить — но я не буду:
мне приятно, что ты не боишься меня,
чудо цветистого дня.
Терпеливо держу
на открытой ладони,
раз так вздумалось —
прыгнуть, сидеть и молчать.
Твои длинные карие ноги
интересно вблизи изучать.
И мне снится в тусклом пространстве
двух макушечных глаз
шум сиреневых, синих и красных
несусветных проказ.

***

В чаду бессолнечной жары
томятся дерево и пажить,
и нехватает слез оплакать
смеющихся.

А на кусты
надета туча насекомых,
и нет листков неповрежденных,
и нет ни капельки дождя.
Ах, этой горсткою воды,
что берегу в своих ладонях,
мне ласточки не напоить
и деревца не успокоить.
«Как зла, как зла, — ручьи журят,
не зная о своем безустье, —
черна какой-то скучной грустью»,
и в спину голыши летят.

***

Дождливый июль перемыл
по-своему окна. И стекла
показывают мне мир
по-дождинному: тускло, блекло.

Так что же, на этом застрять?
Ложиться и умирать?

Июльской причудой не выжмешь!
Возьму карандаш, листок
и солнце — яркое, чистое! —
высвечу парой строк.

Теперь — кому хочешь верь.
Я-то своей строке
представлю загар на руке.

И есть пианист. Вручил ему Лист
страничку на случай. Затучусь —
он небо к чертям раскроит.

***

Пух летит с чертополоха,
сухо шелестит осока,
пахнет мятой и дождем.

Невозможно, невозможно!

Гул и грохот за кустом
красной огненной котельной,
я жары ее смертельной
ласку чувствую лицом.

Невозможно, невозможно!

Не могу понять, за что:
и кузнечик, и тетрадка,
капля, пух, ромашек грядка —
и молчание Твое.

***

— Плотников сын,
                  почему не стучишь молотком?
Почему за амбаром тайком
книгу листаешь судьбы,
                  каждой травы
выспросить тайну мечтаешь?
Плотников сын, не гонись
за летающим сердцем своим,
будь молчаливым, глухим,
слушайся мать и отца,
                  не перечь дворовым,
                  не рассказывай им,
что ты знаешь о тайнах творца.
Все равно не построить дворца
одному скоростному уму,
                  пока плотников глуп молоток,
                  пока глуп и покорен гвоздок,
ведь рабам все равно, ты пойми,
что пилить, и строгать, и гвоздить.
Не берись научить их любить.

***

Ю.М.

Пусть невозможен в море след,
но все же чудно, Господи, как чудно
на весла налегать
и чувствовать, как трудно,
и в море, в небо, в белый свет кричать:
Послушайте, как труден хлеб!
Послушайте, как труден белый свет!
Что светит — просто чудо,
упорство синевы
из-под густого спуда
процеживать настойку правоты —
в свирель,
чтоб задышал, запах, зацвел апрель!
И в море след — все тот же белый свет,
свирель и цвет.

***

Когда холоден и вельможен поэт,
полон мозг у поэта бухгалтерских смет —
что ни скажет тебе полуплачущий шут,
все, любимая, жуть.

Когда ложь у поэта в передней сквозит,
подними поскорее свой воротник,
вороти на макушку потертый берет,
уноси свой задумчивый бред.

На мосту, на ветру оглянись на судьбу,
позови с собой башню в цветистую тьму,
чтоб не быть одному,
пока первый проснется трамвай.

На подножку, к любимой своей уезжай!
— К тебе я, любимая. Не пеняй,
что я глуп и беспомощен, вечно в гриппу,
что я даром ночами и днями гребу
и что маки во рту.

Мир изменчив и красочен, вечен твой рот,
и твоя, и моя настоящая плоть,
за окном холоднее, бледнее заря,
и стихи истлевают скорее, чем я, —
когда лгут.

О любимая, жуть!

***

Когда дождешься наконец после бессонной ночи,
как в небе медленно серебряно светает,
качаются сиреневые астры на хмуром и пустом балконе,
и кошка ощупью ступает по карнизу, —
нет ничего существеннее часа,
к какому надлежит явиться в это утро
куда бы ни было: явиться надлежит!
Вот утро, вот часы (газеты, кофе),
стрелки над переулками, над блеском площадей.
Звонки трамваев, спешка, сумки с луком,
межуличное шествие детей до детских учреждений...
И таблетка — от боли головной — венчает дело:
снова вместе
со всей землей ты: влился и живешь,
и снова честно драишь свой уголок на палубе земной.

***

Есть что-то в осени, что с ней меня роднит —
Намек в общении, неточность настроений
Рифмует сердце с цветом мет осенних.

Призывна кленов краснота, как дальний звук
Охотничьих рожков, и одинокий дух
Волнует холод астр, как дым из-за холмов.

Есть что-то в октябре, что в путь цыган влечет,
Такая тяга: каждый блик зовет,
Зовет по имени он каждого бродягу.

***

Куст диких астр, ромашек куст —
на фоне чувств, на фоне чувств.

Пустынность леса из окна —
полна душа, душа полна.

Плотины спуск и свежий плеск —
алмазный слепок спешных лет.

О память, сказочный вираж,
как щедр и ласков твой витраж!

***

Жухлы листья сельдерея,
терпкий запах жжет.
Кто-то нагло лжет —

или листья, или травы,
и смеется для забавы
над доверчивою мной.

Я обижусь для порядка,
но на самом деле сладко

в ватник кутаться старинный,
на ладонь сажать дождины,
ждать, когда зима придет.

ЛЮБИМЫЙ

Я вижу вас —
                                  то маленьким ребенком,
то хрупким горбоносым стариком.
Играю и учу,
                                  чтоб не смеялся громко,
но вместе с вами хохочу,
сбегая гравием
                                  и плещущим каскадом,
от смеха умираю за кустом,
где вы меня отыщете в засаде
по зайчикам от глаз
                                  на платье голубом.
И я вам протяну
                                  уверенную руку,
я тросточку подам, поправлю воротник.
Я расскажу, кто там,
                                  в тени садовых книг,
улыбкой просиял, кто к дереву приник.
Мы обойдем фонтан, мы клум-
                                  бами покругим,
в кафе на площади
                                  закажем нежный ужин.
О как не верится мне каждый раз,
что я достойна мудрых ваших фраз.

***

Б. А. Слуцкому

Мой режиссер — забавнейший старик.
(Я — ассистент и без году неделя)
Держать дистанцию со всеми он привык,
а сам все не уходит, медлит,
хотя вопросы решены, актеры вызваны
и свет погашен.
Он что-то говорит себе в усы —
такой покинутый, нестрашный.
Он проворчал мне как-то напрямик,
что жалко время здесь терять напрасно,
возиться с пленкой и вести дневник
е го задач. Что жизнь скоро ужасно,
что надо бегать, прыгать и гулять —
такой хорошенькой не след пропасть в работе.
А я молчу. Мне нечего сказать —
мне только хочется ему внимать,
и уходить с работы неохота.

***

Моя собака очень старая,
породы не определить.
Ей старость пеленой застлала глаза.
Ее кормить —
такое грустное мученье:
иждивенчеством своим
она все время пищу мерит
и норовит отдать другим —
котятam нашего подъезда,
собакам со всего двора.
Таскает колбасу щенятam
семейства сеттеров.

Она
так неестественно покорна,
сговорчива и так скромна:
завзвать в квартиру невозможно;
она лежит всю ночь без сна
на выделенной ей перинке
и в двери торкает слегка.
Я оставляю дверь открытой —
как бы стараясь пригласить
ее в тепло, в уют гостинный,
как бы стараясь объяснить,
что я нуждаюсь в ней ужасно.
Я просто счастлива, пока
есть у меня своя собака, —
живая, рыжая собака —
у многоумного щенка.

***

Тишина под соснами,
зеленоватый лед.
По узенькому острову
человек бредет.

Как важно, что он думает,
мелькая меж ветвей,
что думает, что слушает,
и еще важней,

как он отнесется
сейчас к тому,
кто стоит под соснами
на том берегу,

а это я стою,
снежинки ловлю
в теплую руку,
с тобой говорю.

***

Я работаю в музее,
невозможно счесть людей,
скольких вижу каждый день:
проплыла по галерее
иностранка с дымным ликом,
расспросила про икону
в темном месте у дверей;
ей, по-моему, не сладко —
больно горестная складка
затаилась меж бровей.
Был известный музыкант;
рассказал мне про дискант
на полотнах у Шагала,
я об этом не слыхала
и не знала, что сказать;
только радостно кивала
и забыла записать.
Наступает новый вечер;
на картинах гаснут свечи;
в залах выключают свет...
А тебя здесь снова нет.

1973

Сергей Павлинов

О ПОЭЗИИ ОЛЬГИ ТАТАРИНОВОЙ

Встреча с настоящей поэзией всегда волнует и всегда неожиданна, словно с залетевшей в серый чадающий город откуда-то с зелено-голубых лугов бабочкой. В одном фантастическом сюжете рассказывается, как неосторожные путешественники во времени случайно погибли, попав в прошлое, обитавшего там маленького прекрасного мотылька. А когда вернулись обратно в своё время, обнаружили его катастрофически изменившимся, блёклым, унылым, неузнаваемо обедненным. Маленький сборничек стихов Ольги Татариновой напомнил мне бабочку из этой грустной притчи, непостижимым образом прилетевшую к нам как важное связующее звено из того первоначально чистого духовного мира, который был нашим культурным прошлым. Она прилетела к нам сама, на крыльях своей тревоги, спасти своё и наше с вами будущее — так чувствуется в ее стихах трепетная натянутая упругость тончайшей нити, протянувшейся из «золотого» пушкинского (лермонтовского, тютчевского, баратынианского) века русской поэзии, через «серебряный», к поэзии Цветаевой и Ахматовой; так много в этих стихах любви ко всему тому, что составляло всегда богатство русской поэзии — прекрасный совершенный русский язык, тонко чувствующая и на все откликающаяся душа.

Я назвал из последнего современного периода два этих женских имени не потому только, что автор во многом близка их поэзии, не тронутой мужским рацио-

нализмом авангарда XX века. В поэзии Ольги Татариновой сразу узнается та же абсолютно открытая и незащищенная женская душа, с только ей присущей болью и пониманием всей ответственности за будущую жизнь в самом огромном значении этого слова. После таких стихов начинает казаться, что мужчины-стихотворцы незаконным образом вторглись в поэзию с ее чисто женским эмоциональным переживанием окружающей действительности, с ее желанием до самого дна распахнуть свое сердце людям. То что для мужчины лирика — для женщины ее судьба, состояние души в каждый неповторимый момент времени.

Это особенно понимаешь даже когда читаешь стихи Ольги Татариновой из таких как будто бы «спокойных» 70-х и начальных 80-х, когда внешне ничего не случилось, или случилось очень мало — застойные времена, но как исполнены драматизма внутренние чувствования или даже предчувствия поэтессы, причем это не просто злободневная критика режима, какую мы находим в стихах многих поэтов андеграунда, это трансцендентальная тревога совсем другого плана, глубокая внутренняя тревога за сам план бытия.

И уже почти потеряв в кошмаре нашей «новой» жизни невидимую ариаднову нить истинной национальной культуры и поэзии, мы, наконец, радуемся этой встрече сегодня. Мы — это, возможно, совсем небольшая по численности горстка читателей, даже не знающих друг друга, которым случайно попала на глаза эта маленькая бабочка живой поэтической природы, совсем небольшим тиражом затерянная среди гор современной печатной продукции. Но пока не порвалась эта

серебряная цепочка, Россия никогда не перестанет быть Россией.

Павлинов Сергей Александрович,
литературовед, член Союза писателей,
автор книг: « Тайнопись Гоголя»,
«Философские притчи Гоголя»,
«Путь духа (Николай Гоголь)» и др.

СОДЕРЖАНИЕ

Растительности нет. Зима на цинке кровель.....	3
Он — вундеркинд, веселый Моцарт,.....	4
У себя в деревне	6
Откуда эта гирлянда роз	7
Декабрь. За темнотой слежу.....	8
Я перед кем-то провинилась —	9
Я пишу стихотворенье, ...	10
МУЗЫКА.....	11
Под люминесцентной аркой.....	12
Убегает, убегает электричка —.....	13
Ах, как хочется быть красивой:	14
Откуда мне знать, ...	15
— Отчего ты, милая, плачешь?.....	16
Вот и прошла	17
День, как только что снесенное яйцо, ...	20
Никому ничего не даровано, ...	21
Давай с тобой пойдем	22
«СТАРЫЙ ЗАМОК» (Мусоргского)	23
КАРТИНКА С ВЫСТАВКИ	25
ПЕРЕД КАРТИНОЙ.....	28
Беленькие шорты.....	29
Брожу я по свету, ищу человека, ...	30
МИКЕЛЬАНДЖЕЛО АНТОНИОНИ.....	31
Я знаю деревья.....	32
ПРОГРЕСС-ЭЛЕГИЯ.....	33
До чего холодный ветер,.....	34
Малахитовый жук!	35
Ветер за моей спиной листает мою книгу.	36
Покажи свои крылья, кузнечик!	38
В чаду бессолнечной жары.....	39
Дождливый июль перемыл.....	40
Пух летит с чертополоха, ...	41
Плотников сын,.....	42

Пусть невозможен в море след, ...	43
Когда холоден и вельможен поэт, ...	44
Когда дождешься наконец после бессонной ночи, ...	45
Есть что-то в осени, что с ней меня роднит —	46
Куст диких астр, ромашек куст —	47
Жухлы листья сельдерея, ...	48
ЛЮБИМЫЙ	49
Мой режиссер — забавнейший старик.	50
Моя собака очень старая, ...	51
Тишина под соснами, ...	52
Я работаю в музее, ...	53
О ПОЭЗИИ ОЛЬГИ ТАТАРИНОВОЙ	54